

18+

КИРИЛЛ ХАВТОРИН

В ТОТ ДЕНЬ ШЁЛ ДОЖДЬ

Кирилл Хавторин

В тот день шёл дождь

«Издательские решения»

Хавторин К.

В тот день шёл дождь / К. Хавторин — «Издательские решения»,

Начало лета. Провинциальный город в Сибири, где дожди — редкость. У следователя Сергея Соколова убивают мать. Вместе со своей напарницей и возлюбленной он идёт по следу, перебирает версии, допрашивает свидетелей. Каждая улика ведёт в тупик. Единственное, что у него остаётся, — вера в то, что правда существует. Он ещё не знает, что она окажется страшнее, чем он мог представить.

© Хавторин К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Конец «до» и начало «после»	6
Глава 2. Причина выбора	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В тот день шёл дождь

Кирилл Хавторин

© Кирилл Хавторин, 2026

ISBN 978-5-0071-0586-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Конец «до» и начало «после»

Это лето выдалось очень жарким в Лесноборске — городе с населением в менее, чем двести тысяч человек, который расположился на Западе Сибири. А началось оно не с пляжных зонтиков и охлаждающих напитков.

Вечером третьего июня я ехал домой. Несмотря на жаркую погоду, в тот день шёл дождь. По лобовому стеклу стучали и стекали вниз прозрачные капли ливня, работали дворники. Я был за рулём, когда из моего телефона заиграла мелодия звонка и раздался резкий вибрирующий сигнал. Я поднял трубку. Это была милая женщина, звонившая каждый день примерно в это время. Ей было за шестьдесят лет, из которых тридцать один год она посвятила мне. Это была моя мама — Тамара Петровна, живущая на окраине посёлка «Берёзовка», который находится почти в часе езды от меня. У нас состоялся на тот момент вполне привычный нам диалог:

— Привет, Серёж, как у тебя дела? — Произнёс голос матери, уставшей от накопившихся бытовых проблем. — Как прошёл день?

— Нормально, мам, ты как?

Изо дня в день, каждый вечер одни и те же фразы, одни и те же вопросы. Если бы меня разбудили посреди ночи и попросили пересказать мой ежедневный диалог с мамой, то я с удивительной лёгкостью смог бы выполнить эту просьбу. Я не жалею и не говорю, что устал от этого, это не так. Наоборот, я только рад слышать её снова и снова. Меня волнует лишь то, что содержание нашей беседы практически всегда точно такое, какое было ровно день назад.

— Да потихоньку. Ты когда приедешь-то? — снова попытался узнать голос на другом конце провода. С каждым днём её надежда пропадала всё больше и больше.

— Да не знаю, мам. — Виновато ответил я.

— Приезжайте вместе с Мариной, познакомишь нас хоть, я вам пирогов напеку. Небось в этом Лесноборске кроме своих кафе и ресторанов никуда и не ходите! — с ошибкой сказала мама, которая была сильно отдалена от жизни в большом городе. — Уж наверное оба взяли да позабыли вкус домашней выпечки.

— Да нет... Прости, у нас вся неделя расписана работой, вряд ли в ближайшие дни получится приехать. Может быть на выходных сможем.

— Вечно ты занят, — с явно выделяющейся ноткой обиды сказала мама, ожидая услышать в ответ моё привычное поддакивание. — Я тебя уже два месяца не видела.

Как же сильно она любит преувеличивать.

— Прошло всего три с половиной недели, — сказал я, хотя сам прекрасно понимал, что даже этот срок достаточно велик.

— И что? Всё равно, видеться с сыном два раза в месяц — это очень мало.

А ведь она права. Это ненормально, что мы видимся настолько редко.

— Я понял, мам, давай мы к тебе в воскресенье заглянем?

— Уж постарайтесь, а то совсем про мать забывать стал. Не таким я тебя воспитывала.

Я не обижаюсь на её слова. Напротив, я отношусь к ним с пониманием. Я понимаю то, насколько тяжело изо дня в день получать отказ на столь банальную просьбу — приехать. Хотя, пожалуй, чаще всего я не отказываю, а ухожу от ответа или меняю тему разговора. С уверенностью могу сказать, что происходит так из-за накопившегося чувства вины за ежедневный перенос нашей встречи. Одни выходные не приехал, вторые — и вот уже три с половиной недели. Вечная проблема детей и родителей.

— Всё, тогда договорились, мамуль, в это воскресенье жди нас у себя на пороге.

— Хорошо, Серёжа, передавай Марине большой привет от меня.

— Обязательно передам.

— Спокойной ночи тебе.

— И тебе, мама, спокойной ночи.

На этой договорённости о скорой встрече наш диалог прервался маминым нажатием кнопки «отключить» на экране её телефона.

На следующий день в шесть пятнадцать утра меня разбудил не звук дрели соседа сверху или скос травы рабочими прямо у меня под окнами, а уж тем более не будильник, поставленный ровно на семь утра. Меня разбудил входящий звонок с неизвестного номера.

«Вы меня разбудили, я проснулся полминуты назад и ещё с вами разговаривать должен? Ага, обязательно», — подумал я, ссылаясь на то, что это был звонок от мошенников или простая реклама бесполезных, но очень дорогих услуг. После чего я дальше лёг спать, как вдруг звонок раздался второй раз за одну минуту. Я подумал, что кто попало не станет звонить в такую рань, да ещё и два раза подряд, поэтому решил ответить.

— Да, слушаю, — сонным голосом произнёс я, продолжая лежать в постели с едва открытыми глазами, которые я и не пытался разомкнуть.

— Соколов Сергей Владимирович? — с чётко читавшейся по тону уверенностью спросил неизвестный мне мужской голос.

— Да, всё верно. С кем я говорю? — С прежним непониманием поинтересовался я.

— Вас беспокоят из главного отделения полиции Кандограда.

«Кандоград?» — Подумал я. Это соседний городок в тридцати-сорока минутах езды от Красноборска. В области этого города и жила моя мама. Я не напрягся, когда услышал, что мне звонят из полиции Кандограда, ибо я сам следователь, работающий в «убойном отделе» главного отделения полиции Лесноборска.

— Я слушаю.

— Вы сын Соколовой Тамары Петровны?

Сердце начало биться чуть быстрее. Я сел на край кровати, глаза наконец разомкнулись и начали бегать от одного угла комнаты к другому. Внутреннее нарастающее чувство тревоги будто уже говорило, что что-то не так, однако разум не хотел этого признавать.

— Да, а что случилось? — Ответил я, в мыслях перебирая всевозможные варианты и надеясь на лучший из них.

— С прискорбием вынуждены сообщить Вам, что Вашу мать обнаружили мёртвой у себя дома сегодня утром. Вы должны приехать для опознания.

Мир пошатнулся. Я смотрел в угол комнаты. Нет. Я смотрел вникуда. Мой взгляд перестал что-либо выражать. Я ещё не осознал услышанное. Не верил, не понимал, старался внушить себе, что я ещё сплю и что всё это — лишь несмешная шутка и дурной кошмар. Но это был не сон.

— Вы слышите? — Уточнили на том конце провода.

— Слышу.

— Вы приедете?

— Приеду.

— Тогда мы будем ждать Вас в доме Тамары Петровны.

Звонок оборвался. Я не понял, что он сказал и что я ответил. Просто на автомате что-то буркнул. Продолжая сидеть на краю своей кровати, я не переставал смотреть куда-то вдаль опустошённым взглядом, глазами, которые ещё вчера были полны жизненной энергией.

За окном дождь. На часах двадцать минут седьмого. Мама вставала в пять даже на пенсии. Сейчас бы уже встала. «В гробу отдохну! А сейчас нечего долго спать» — так она всегда говорила. Она больше не проснётся рано утром, не позавтракает, не позвонит мне.

Почему я не приехал к ней раньше? Что мне нужно делать теперь? Даже на этот вопрос я не могу себе ответить. Хотя нет, могу. Сейчас надо ехать. Меня ждут.

Когда я приехал, припарковался рядом с полицейским автомобилем, вышел из своего и ступил первый шаг, я остановился. На улице всё ещё шёл дождь, но мой взгляд притянула

яблоня, которую мы посадили вместе с отцом, когда мне было пять лет. Пожалуй, это одно из лучших детских воспоминаний, связанных с моим отцом. «Мама! Папа!» — кричал я, когда впервые увидел, как посаженное мною семечко показало свой первый лепесток. «Идите сюда быстрее, у нашей яблоньки появились первые листочки!» Я никогда не забуду свою радость от того момента, когда мой труд принёс плоды.

Затем я посмотрел на будку собаки, стоявшую рядом с забором внутри участка. Она умерла несколько лет назад и оставила свою хозяйку одну. Когда я был в первом классе, мама взяла меня с собой на рынок. Тогда никто и подумать не мог, что вернёмся мы уже не вдвоём, а троём. Сидя на остановке и выжидая автобус из города обратно в наш посёлок, мы оба щурили глаза от ослепляющих лучей солнца. Автобус долго не приходил. Тогда из-за угла остановки ко мне вышел этот пушистый, большой, но очень добрый и ласковый зверь. Мы видели его раньше, иногда даже подкармливали недоеденной мною булкой или кусочком зелёного яблока. Я каждый раз просил маму взять эту собаку домой, на что получал один и тот же ответ — «Зачем она нам, Серёжка? Ей и спать негде». Но тогда она поняла: автобуса долго нет, а эта псина нашла нас даже на приличном расстоянии от рынка, это была судьба. «Ты будешь Рокки!» — сказал я новому другу после решения мамы забрать его с собой. Дворняжка одобритительно завилала хвостом. Вечером мы вернулись домой вместе с Рокки, а на следующий день папа сделал ему будку.

С каждым шагом навстречу входной двери дома у меня появлялись всё новые воспоминания. Я шёл и думал: *«Тут я помогал маме сажать землянику, там мы с папой играли в футбол, а здесь...»* Я остановился, когда посмотрел на крыльцо. Крыльцо, на котором стояла моя мама три с половиной недели назад, когда я, сам того не осознавая, в последний раз уезжал от неё. Она махала рукой и кричала вслед: «Приезжай скорее, Серёжа, я буду очень тебя ждать!». Я не успел. *«Прости, мам...»* — Мысленно сказал я и, вытирая слезящиеся глаза, зашёл в незапертую дверь.

В доме до сих пор пахло той душевной теплотой, с которой она каждый раз встречала и провожала меня. В прихожей на вешалке висело её неубранное весеннее пальто. Я не пошёл прямо, чтобы попасть в её спальню и свою детскую, а свернул направо, на кухню. Пройдя несколько шагов и остановившись, я был ошарашен тем, что на кухне была идеальная чистота: ни одной ложки в раковине, ни одной кастрюли на плите, ни одной тарелки на столе. Всё было аккуратно убрано по шкафчикам, кроме чайника и чашки с недопитым чаем. Мы часто сидели на кухне вечером и болтали с ней о разном. Общались мы о том, как прошёл мой школьный день, о том, что нам нужно сделать завтра, обо всём. Но больше мы не поговорим.

Я сел на табурет и посмотрел на стул у окна. У него начала болтаться одна из ножек. Я обещал приехать и починить.

«Мама... Какая она была?» — подумал я и начал вспоминать. Она часто меняла работу до своего выхода на пенсию, ибо не могла усидеть на одном месте надолго. Моя мама пробовала себя во многих ролях: была и учителем в моей школе, и воспитателем в детском саду, и в местной библиотеке и музее успела поработать. За столь разностороннюю карьеру она обрела множество знакомых, ведь сама была слишком общительной для того, чтобы во время обеденного перерыва не поделиться с коллегами тем, на каком бульваре она вчера гуляла или что ей подарил её любимый сын на прошедший праздник.

Как и в детстве, она всегда пахла теми блинчиками в тёплое весеннее утро, пирожками с повидлом, ради которых она всегда вставала раньше меня почти на полтора часа, дабы успеть испечь их до моего ухода в школу. Я помню, как она каждую пятницу кричала мне из своей комнаты: «Серёжка, Поле чудес начинается! Иди скорее, да подушку себе не забудь прихватить!». Я больше никогда не услышу этих слов. Я больше никогда не попробую её блинчики с новым вареньем. Я больше никогда не смогу сказать о том, как сильно я её люблю. Точнее, любил.

Десять лет назад, в двадцать один год, я переехал от матери в Лесноборск. Мой отец на тот момент не жил с нами уже долгое время. Они развелись чуть больше двадцати лет назад, когда я был ещё маленьким и только пошёл в третий класс. «Не сошлись характерами», — так всегда говорила моя мама, однако не сменила фамилию отца на свою девичью — Курыгина — осталась Соколовой. Навсегда.

Я продолжал сидеть на кухне и меня окутывали воспоминания буквально о каждом дне, проведённом здесь. Я сидел здесь всего две минуты и всё это время были слышны еле заметные мужские голоса, доносящиеся из другого угла дома. Я встал, подошёл к окну. Мой шаг услышал один из людей, сидящих в спальне моей матери.

— Сергей Владимирович, это Вы? — весьма громко произнёс по-прежнему незнакомый мне голос, — Мы здесь, заходите.

— Да, секунду, — Ответил я и понимал, что нужно идти. Мне надо было сделать этот шаг. Как только я выйду из кухни, моя жизнь точно разделится на «до» и «после». Все чувства и мысли останутся здесь, а я окончательно пойму, что мама для меня осталась лишь в воспоминаниях. Я сделал этот шаг, мне пришлось.

Идя вдоль по коридору к спальне, я прошёл ванную по левой стороне, затем свою детскую и гостиную по правой стороне и в итоге оказался на пороге спальни. Я зашёл. На кровати лежала она, накрытая одеялом, а на другом краю сидели двое мужчин. Это были люди в форме, приехавшие на той служебной машине. Слеза скатилась вниз по лицу. Один из людей в форме обернулся и заметил меня. Это был человек младше меня примерно на пять лет с гладко выбритым лицом и густыми чёрными волосами. Он поднялся и подошёл ко мне, первым протянув руку для рукопожатия.

— Сергей Владимирович, здравствуйте. Это я Вам звонил сегодня утром, меня зовут Зарядов Евгений Анатольевич, это мой напарник, Павлов Виктор Алексеевич. — сказал сотрудник полиции, жестом указывая на второго человека.

— Что произошло? — Сухо спросил я.

— Соколову Тамару Петровну сегодня обнаружила без сознания соседка — Татьяна Ивановна Бурская. По её словам, они с Тамарой Петровной каждый день виделись ровно в половину шестого утра, также она утверждает, что почуяла неладное и попыталась зайти к ней домой, однако в силу возраста не смогла открыть запертую дверь. Затем она заглянула в спальню через окно, где и обнаружила свою соседку без сознания, после чего вызвала скорую, но, не дождавшись медиков, позвонила ещё и в полицию.

В её комнате всё по-прежнему стояло на своих местах: все книги аккуратно убраны в сервант, тапочки возле кровати, даже стакан на прикроватной тумбе с недопитой водой, оставленный на ночь.

— Спасибо, что позвонили.

— Благодарить меня не за что. Более того, я должен сказать ещё кое-что.

Я не понял о каком «кое-что» идёт речь.

— О чём речь? — непонимающе спросил я.

— На лице и шее Вашей матери мы обнаружили едва заметные ссадины и кровоизлияние на слизистой губ. Такое бывает только при...

— Я знаю. — Резко, прервав речь сотрудника полиции, сказал я. Такие следы на лице бывают только при том случае, когда человека задушили, например, подушкой или чем-то вроде того. — Уж не хотите ли Вы, Евгений Анатольевич, сказать, что мою мать кто-то убил?

— К сожалению, все признаки указывают на это. Мы проверили все подушки в доме, ни на одной нет чьих-либо отпечатков пальцев, кроме самой Тамары Петровны. Мы также позвонили в главное отделение полиции Лесноборска, так как лучшие специалисты работают именно там, а не в области. Они сказали, что отправят следователя сюда.

— Я сам следователь именно из этого отделения, но мне никто не звонил. — Произнёс я, не до конца понимая то, что здесь вообще происходит.

С улицы послышался знакомый звук. Чья-то машина приехала. Мы оба услышали, как этот кто-то захлопнул дверь своего автомобиля. Через мгновение неизвестный уже сделал первый, притом уверенный шаг в дом. С каждой секундой он приближался, будто знал куда идти, будто он здесь был.

Ещё через несколько секунд на пороге спальни показался женский силуэт. Это была Марина.

— Марина? Они тебя отправили сюда? — нахмутив брови в поисках ответа, спросил я.

— Серёжа, привет, мне сообщили, что по этому адресу предварительно было совершено убийство, я сразу поняла, что с твоей мамой что-то случилось. Прими мои соболезнования.

После этих слов Марина подошла и обняла меня, словно хотела сказать: «Я понимаю тебя», причём будто так оно и есть, а не в качестве пустой фразы, выражающей поддержку.

— Так получается, вы оба — следователи из отдела по расследованию убийств главного отделения полиции города Лесноборска? — непонимающе спросил Виктор Алексеевич, напарник Зарядова Евгения Анатольевича.

— Да, и поскольку это не просто смерть, а убийство, мы берём это дело. Правда, Серёжа? — спросила Марина, словно заранее знала, что мой ответ будет «да».

— Да, мы берём это дело. — произнёс я в качестве подтверждения только что сказанных слов Марины.

Мы взяли это дело.

Глава 2. Причина выбора

Место преступления было обескровлено. Речь не о следах преступления, нет, их не было. Речь идёт о пустоте, которая была всюду: на душе, в доме матери, а главное — в голове. Не было хотя бы малейшего представления о том, кто это был и что мне нужно делать. Я работал на автопилоте. Весь участок полностью оцепили, на место быстро прибыла следственно-оперативная группа. Судмедэксперт подтвердил, что это была не случайная смерть и зафиксировал время смерти — четвёртое июня, примерно четыре часа и пятнадцать минут утра. Криминалист взял отпечатки пальцев.

Я снова зашёл на кухню и сел на табурет. В нос ударил запах старой квартиры: пыль, лекарства и что-то ещё, сладковатое, что я сразу узнал из-за своей профессии, но не хотел признавать. Запах смерти. Я знал его слишком хорошо, чтобы перепутать. На кухне держался запах её духов «Красная Москва», которые она покупала всю жизнь. Я помнил этот запах с детства, когда она прижимала меня к себе, когда я болел, когда она сидела у моей кровати. Теперь он смешивался с другим запахом и это было невыносимо.

Голоса криминалистов доносились до меня как будто из-под воды. Я слышал их, но не разбирал слов. Щелчок фотоаппарата повторялся снова и снова. Кто-то говорил что-то в диктофон, кто-то переговаривался по рации, но я не мог сосредоточиться. Я вспоминал её руки, которые гладили меня по голове, когда я плакал. Которые держали мою ладонь, когда мы переходили через мост в Кандограде, потому что мама боялась высоты, но всё равно шла со мной. Теперь они были неподвижны. Я должен был работать. Я следователь. Но перед глазами всё плыло.

Я посмотрел на чайник. Он был холодный. Она всегда ставила чайник, как только вставала, первым делом. Я помнил этот звук с детства, как она шла на кухню, как щёлкала кнопка, как вода начинала шуметь. Сегодня он был холодный. На столе стояла чашка с недопитым чаем. Она купила эту чашку на ярмарке лет десять назад, с цветами, с трещиной на ручке, но несмотря на это не выбрасывала, потому что «вещь хорошая».

Я десять лет занимаюсь расследованиями убийств. Десять лет я только и делаю, что возжусь с деталями, фактами, бумажками и подозреваемыми. Что делать сейчас — я не понимаю. Я всегда расследовал смерти совершенно незнакомых мне людей и никогда ранее мне не приходилось расследовать убийство столь близкого мне человека. Каждое новое дело не вызывало у меня чувства, которые могли бы препятствовать расследованию.

Зачем я пришёл сюда? Не в дом, нет, я говорю о чём-то большем. Зачем я пришёл на эту работу? Ещё будучи ребёнком мне всегда требовалась правда на любой вопрос. Я с детства был человеком, который не терпел ложь и ненавидел неразгаданные тайны.

Я помню тот случай, который стал причиной выбора такой профессии. Это случилось четырнадцать лет назад. Было лето, я только закончил одиннадцатый класс школы. В городе, где я провёл всё детство, Кандограде, есть детский дом, не славившийся своей репутацией. В нём были плохие условия для детей: невкусная еда, ужасная антисанитария, а для провинившихся — суровые воспитательные беседы, которые чаще перерастали в насилие. Охранная система у учреждения тоже была не из лучших.

Тогда был прохладный летний день. Одна из девочек по имени Фомина Мария Павловна сбежала из одноэтажного здания детдома через окно. Она убежала для прогулки с подругой. Это был обычный образ жизни подростков из этого места. За ней никого не отправили, даже искать не стали, потому что никто ни за кем не следил. Но она не вернулась.

Тогда-то и начались поиски девочки и проверки этого детского дома. Марию не нашли. Дело замяли, так как девочка была ничейная, без родителей и родственников.

Впервые я услышал её имя не из дела о её пропаже. На лавочке у подъезда сидели старухи и обсуждали всех подряд. Одна из них сказала: «А детдомовскую-то не нашли». Я сначала не придавал этому значения, но затем увидел объявление на столбе с её изображением. Чёрно-белая фотография, на которой была худенькая девочка с испуганными голубыми глазами и светлыми волосами. Рост средний. Сверху было написано: «Разыскивается Фомина Мария Павловна, четырнадцать лет». Мне только исполнилось семнадцать и, честно говоря, я не знаю, что сделал бы я, если бы потерялся в таком юном возрасте, а ей к тому же было на три года меньше. Я остановился и смотрел на неё долго. У неё были такие же глаза, как у меня на старых фотографиях. Она будто уже знала, что её никто не будет искать. Я не мог объяснить, почему это зацепило меня. Я сорвал объявление и положил в карман. Оно до сих пор лежит у меня где-то в старой коробке с вещами в доме мамы, наверное.

На следующий день я пошёл в тот детдом, несмотря на свой юный возраст. Здание было старым, с облупленной краской, с заколоченными окнами на первом этаже. Я зашёл внутрь, где пахло казённой едой, сыростью и ещё чем-то тяжёлым, от чего становилось не по себе. Охранница, уставшая от детей женщина с седыми волосами, сидела за столом и пила чай из гранёного стакана. Я спросил про Марию. Она пожала плечами, даже не подняв головы, и сказала: «Таких у нас много. Пропадают, потом находятся в тюрьме или в другом городе после вечеринок. Не переживайте, молодой человек». Она сказала это так спокойно, будто речь шла о чём-то обыденном. Я спросил, что делается, чтобы её найти. Тогда она подняла на меня глаза и ответила: «Ничего. Она никому не нужна». Я вышел на улицу и ударил кулаком по кирпичной стене. Почувствовались только бессилие и злость.

С тех пор никто так и не смог разгадать тайну её пропажи, а она сама не была найдена.

Я стоял у дверей детдома, сжимал кулаки, смотрел на серое небо Кандограда и думал о том, что я должен что-то сделать. Она не могла уехать, у неё не было денег и, возможно, даже документов. Я повторял это про себя снова и снова. Я найду её, даже если никто не ищет. Я стану тем, кто ищет таких, как она. В тот день я перестал быть просто мальчишкой, который не знает, куда поступать. Теперь я знал — пойду на следователя и буду искать правду.

Отучился я четыре года, которых было достаточно для хорошей работы в округе. На первом курсе я сидел в библиотеке до самого закрытия. Я читал всё, что мог найти: криминалистику, психологию, судебную медицину, даже то, что не входило в программу. Я хотел знать всё, что нужно, чтобы быть хорошим следователем. Иногда я думал, что не справлюсь, что слишком сильно погрузился во всё это, что я ещё молод для этого, но я вспоминал её лицо с объявления и продолжал.

На втором курсе у нас была практика. Меня отправили в архив перебирать старые дела. Я нашёл одно, то самое дело, которое было закрыто с формулировкой «без вести пропавшая, предположительно погибла». Там была фотография, та самая фотография девочки с испуганным взглядом. Я понял, что никто не ищет тех, у кого нет семьи. Я закрыл папку и сказал себе, что я буду искать. Это была клятва самому себе.

Я переехал в Лесноборск после окончания учёбы, где стал работать следователем в главном отделении полиции этого города.

Спустя пять лет работы на этом месте, когда мне уже было двадцать шесть, в наше отделение пришла работать Марина, она на два года младше меня. Она переехала из Тихореченска — города на востоке Сибири.

Тогда я расследовал очередное дело. Драка двух пьяниц возле бара. Шесть ударов ножом в разные части тела. Скорая не успела спасти бедолагу. Впрочем, нечего шастать по барам, а уж тем более затевать конфликт в таком состоянии поздно ночью. Я помню тот день. Она вошла в отдел, когда я сидел над бумагами. Я поднял голову и увидел её. Тёмные и мокрые волосы, так как в тот день на улице шёл дождь. Она улыбнулась дежурному и сказала: «Крапивина Марина Викторовна, перевелась из Тихореченска. Убийный отдел». Голос был спокойный, ровный, без

лишних эмоций, и это почему-то зацепило меня. Она не сказала ни одной лишней фразы. Я тогда подумал, что она не такая, как все.

Я смотрел, как она работает. Она задавала вопросы спокойно, без давления, но люди начинали нервничать. Она слушала, не перебивая, а потом задавала один вопрос, и он был всегда точным. Я подумал: «Из неё выйдет толк». И не ошибся.

Общаться вне работы мы начали не сразу, спустя ещё два года. Поначалу это была дружба, но позже она переросла в нечто большее.

Когда мы общались продолжительное время — чуть больше года, я поймал себя на мысли, что всегда жду её с работы, если сам заканчиваю раньше, постоянно смотрю на неё, ищу глазами в обществе. Это было больше, чем дружба. Марина же начала оказывать мне знаки внимания, заводила со мной диалог не по работе. Не знаю, что именно меня в ней привлекало: её милый и добрый характер, забота или красота. Пожалуй, всё сразу.

Марина и вправду способна переиграть любую девушку с обложки журналов своей красотой. Тёмные волосы, карие глаза, а рост её почти под метр семьдесят. Она всегда держится прямо, без лишних движений. На работе носит тёмные джинсы, куртку, кроссовки — как все. Её образ дополняют пару колец, но никакой косметики. Она потеряла родителей в автокатастрофе, когда ей было двадцать лет. Пожалуй, Марина приняла решение работать следователем именно из-за этой ситуации.

Со своими родителями, когда они были живы, Марина общалась мало, у них были не слишком доверительные и тёплые отношения, скорее наоборот. Родители Марины постоянно упрекали её во всём: то что-то не так сделает, то что-то не то купит, то куда-то не туда ходит. После их гибели она осталась совсем одна. Без друзей, без близких родственников, к которым всегда можно обратиться за помощью, получить совет или высказаться. Нельзя сказать, что родители Марины были такими людьми, однако я уверен, что они всё равно помогли бы ей в любой ситуации, несмотря на их характер и своеобразный метод воспитания.

На данный момент мы уже полгода в крепких отношениях. Мы проводим время вместе после работы, часто гуляем по Лесноборску, заходим в кафе, сидим до позднего вечера. Она постоянно рассказывает про Тихореченск, про свою учёбу, детство.

Мы ещё не живём вместе — у каждого есть своя квартира, но я часто остаюсь у неё или она у меня. Это удобно, мы не торопимся, у нас есть время.

В день нашего признания друг другу был сильный дождь. После очередной прогулки по местному, уже мокрому после ливня парку, мы зашли в полюбившееся нам двоим место — кафе с говорящим названием «Счастье», где как обычно сели за наш любимый столик под несчастливым номером тринадцать. Он находится в углу, вдали от всех остальных гостей этого заведения, а окно выходит на тот самый парк. В тот день мы признались друг другу в нашем желании оставить дружбу позади и перейти на более серьёзный этап.

А что если углубиться ещё дальше, в день нашей первой внерабочей встречи тогда, когда мы ещё были друзьями? В тот августовский день тоже шёл несильный дождик, закончившийся незадолго до момента встречи. Сейчас, оглядываясь назад, вспоминая эти два счастливых дня, на ум сразу приходит старая японская цитата. Я не помню того, кто это сказал, но звучит она так: «Если перед вашей первой встречей начался дождь — это знак, что два сердца, которые уже давно связаны нитью судьбы, наконец нашли путь друг к другу». Не знаю, можно и нужно ли верить таким мудростям и насколько они правдивы, но за всё время нашего общения у меня с Мариной не было ни одной серьёзной ссоры.

Я не могу разваливаться на части, всё глубже погружаясь в воспоминания. Я должен работать, даже если каждый шаг даётся с трудом и хочется просто сидеть здесь и смотреть в одну точку. Я должен найти того, кто совершил это преступление.

Я посмотрел на чайник: холодный. Затем на чашку: недопитый чай. Следом на стул, который так и не был мною починен.

Я встал. Сделал шаг к выходу из кухни. В комнате всё ещё работала следственно-оперативная группа. Я слышал голоса криминалистов, щелчки фотоаппарата, тихие команды экспертов. Где-то среди них была Марина. Она тоже работала и хотела найти убийцу. Я должен был вернуться к ним.

Я вышел из кухни и пошёл в комнату, где была Марина, сотрудники полиции, следственно-оперативная группа и моя мать. Рядом с ней, на тумбочке, лежали её очки для чтения — круглые, с тонкой оправой. Книга была открыта на середине. Она не дочитала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.